

Wörterbuch der vergleichenden Bezeichnungslehre. Onomasiologie / Begründet und herausgegeben von Schröpper J. unter Mitarbeit von A. Hönig A. Bd I. Lf. 5/6, 7/8. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1989. S. 195—514.

Теоретический интерес к ономазиологии постоянно стимулируется чисто практическими, лексикографическими потребностями: составление словарей, как можно полнее и объективнее отражающих "картину мира" того или иного языка или группы языков, — одна из наиболее важных и перспективных задач лингвистики. Хотя материалов для словарей такого рода языковеды накопили немало, завершённых лексикографических трудов здесь единицы. В индоевропеистике до последнего времени можно отметить следующие немногочисленные словари: К.Д. Бака [1], Кс. Деламаппа [2] и краткий словарь М.М. Маковского [3].

Такие усилия обычно окупаются с лихвой, ибо в сфере этимологии изосемантические аргументы до сих пор остаются наиболее уязвимыми и спорадическими по сравнению с математически четким фонологическими, морфологическими, лингвогеографическими и т.п.

Рецензируемый словарь, публикация которого началась в Гейдельбергском университете, в значительной мере облегчит такие поиски. Основатель этого словаря — проф. Й. Шрёппер, посвятивший всю свою научную жизнь ономазиологическим и этимологическим разысканиям. Известный индоевропеист с особым интересом к славистике, он более 50 лет накапливал материалы, неутомимо пополняя свою уникальную картотеку с помощью учеников. По многим из словарных статей и изосемантических рядов им и его учениками проведены предварительные специальные исследования, часть из которых опубликована в различных изданиях, особенно в выпусках ежегодника "Semantische Hefte". Словарь — и искомое, и итог этого ономазиологического марафона. Материальная основа словаря — "Архив сравнительной семантики" (Archiv für vergleichende Semantik) — составляет в настоящее время более 3000 гнездовых словарных статей, представляющих свыше 10 000 понятий. В картотеке авторов содержится более 220 000 карточек, распределённых в соответствии с предварительно разработанной системой.

Вышедшие тетради первого тома (вып. 1—8) вместили в себя тематические группы "понимать", "быть, бытие", "действительность", "подлинный, правительный", "вещь, предмет", "материя", "форма", "причина",

"цель" (вып. 1—2); "нуль", "один", "два", "три", "четыре", "пять" (вып. 3—4); "шесть", "семь", "восемь", "девять", "десять", "одиннадцать", "двенадцать", "двадцать", "сто", "тысяча", "время", "всегда", "никогда", "ядруг", "начать", "ллиться". "прекратить(ся)", "теперь" (вып. 5—6); "новый", "сразу", "прошлое", "вчера", "старый", "будущее", "потом", "завтра", "утро", "полдень", "вечер", "ночь", "час", "день", "неделя", "год", "дня недели", "весна", "лето", "осень", "зима", "январь" (вып. 7—8). В тематическую группу "Бытие" (Sachgruppe "Sein") включены наименования числительных и группа "Время", содержащая не только чисто темпоральные лексемы, но и глагольную лексику со значением "начинать", "продолжаться", наречия типа "никогда", "всегда" и т.д. Ориентироваться в этом материале довольно легко, ибо соответствующие лексемы выделены в верхней части страницы и сопровождаются числовыми указателями групп, подгрупп, рядов и т.п. (см. рецензию А.Е. Аникина на выпуски 1—5 рассматриваемого словаря в [4]).

Сами составители подчеркивают "синоптический характер" своего словаря. Будучи, однако, "синоптическим", этот словарь ориентируется на новейшие этимологические версии. При этом широкие индоевропейские и неиндоевропейские языковые параллели и исследовательский опыт авторов в большинстве случаев обеспечивают объективность такой ориентации: читатель в итоге получает наиболее убедительную версию, вставленную в ономазиологическую "парадигму" общего словарного контура.

Материал, на который опираются составители, столь обширен, что делает словарь справочником не только по индоевропеистике, но и по тюркологии, финно-угроведению, китаистике и т.п. В спектр ономазиологической группировки попадают все славянские, германские, романские и другие и.е. языки (включая и такие, как полабский, древнеармянский, албанский, аккадский и т.п.); во многих местах, однако, мы найдем и китайские, японские, древнеегипетские, древнетюркские, турецкие, древнеаравийские и прочие изосемантические параллели, которые убедительно демонстрируют универсальность человеческих представлений о числовом "бытии" и о "временном" сознании. При этом составители не ограничиваются, подобно К. Баку, материалом литературных языков: они обильно снабжают словарные статьи материалом диалектным, просторечным, сленговым, жаргоновым. Диалектные данные для них нередко даже оказываются предпочтительнее литературных

или во всяком случае — равноположенными: ср., например, литов. *velialis* "потом, после" (вып. 7—8, с. 420), укр. *ярь* "весна" (вып. 7—8, с. 489), русск. (прост.) *шабашка*, *шабашить*, *шабашник* (вып. 7—8, с. 484) и т.п. Эти данные извлекаются не только из словарей, но и из самой современной "холодовой" литературы — для русского языка, например, используя роман В. Астафьева "Царь-рыба" (вып. 5—6, с. 265). Славистический поиск здесь особенно проявляется в фиксации основных дифференциальных показателей между литературными языками и просторечием: так, для чешского языка авторы регулярно приводят формы так называемой "*obecné češtiny*" (обиходной речи) типа *zejtra* вм. *zítra* (вып. 7—8, с. 426).

Поиски все нового материала авторами ведутся поистине неутомимо. При этих поисках пересекаются не только границы близкородственных языков, но и хронологические рамки. Особенно это видно в словарных статьях, посвященных временным понятиям. Характерно такое примечание в конце 8-го выпуска: "Греческие документы в Египте обнаруживают систему египетских наименований месяцев, — повод для того, чтобы автор предпочел продуманную систему египетского времяисчисления намого более запутанной системе греческой" (вып. 7—8, с. 514). Такие языковые и хронологические "перепады" могут, возможно, вызвать некоторый скепсис у "чистого" этимолога, воспитанного на строгой хронологической последовательности языковых изменений, но для лингвиста, интересующегося универсальной семантикой, они покажутся вполне оправданными. Вполне оправдано и подключение к семантическим группам лексем, относящихся к различным частям речи.

Одно из основных искомых в словаре — универсальные мотивации родственных понятий. И авторы убедительно демонстрируют такую универсальность на материале разных языков. Универсальность общей мотивации, универсальность различных коннотаций, пересекание ассоциативных линий четко проступают сквозь конкретную лексему разнородность материала. Много общего, например, в мотивации понятий "Время", "Сегодня", "Месяц", "Новый", "Настоящий" и т.п. Конечно, это общее — относительно и создается не всегда одинаковыми средствами. Авторы понимают это и потому нередко совершают экскурсы за пределы чисто языковых связей. В словаре есть апелляция и к мифологии (с. 227), и к хронометристике (вып. 5—6, с. 197), и к истории (вып. 5—6, с. 200), и к фольклору (вып. 5—6, с. 214), и к другим экстралингвистическим реальностям. Понятно, что

чисто языковым факторам семантических вариаций уделено еще больше места — авторы, в частности, особенно внимательны к синонимии и полисемии описываемой лексики.

Немало в словаре и отдельных чисто лексических миниатюр очеркового типа, превращающих лексикографическую книгу в авторское повествование. Этому способствует неожиданность (неожиданность, естественно, для читателя) семантических сопереживаний. Таковы, например, словарные статьи типа очерка о понятии "Миг", где русск. *мгновение* пересекается и с литов. *akimirka*, с венг. *pillanat*, и с алб. *sa cel e tbyl lytë*, и с массой идиоматики разных языков (с. 279). Таковы "переклички" типа русск. диал. *кон* "начало" и турецк. *vartmak* "приходить", "достигать" (с. 344), имеющие эвристическую ценность.

Словом, достоинства словаря несомненны. И если читатель находит в нем и некоторые недочеты или дискуссионные моменты, то это неудивительно: объект описания столь широк, а глубина проникновения в многоязыкое Слово столь неизмерима, что узкому специалисту всегда найдется повод для уточнений.

Автор настоящей рецензии как фразеолог в первую очередь обращает внимание на диспропорциональность в лексикографической обработке идиоматики по сравнению с лексикой. Во многих местах словаря даны экскурсы в идиоматику — и это справедливо, ибо фразеологический состав, несомненно, активно участвует в идеографическом начертании окружающего мира. Некоторые семантические группы насковозь пронизаны идиоматикой — например, группа "Никогда", которая, в сущности, во многом отражает именно "фразеологическую картину мира", а не чисто лексическую, понятийную, номинативную. Фразеология по своей семантической сущности экспрессивна, а следовательно, и тяготеет к обозначению таких экспрессивных понятий, как временной цикл "Никогда", ср.: *когда рак на горе свистнет*, *не успеет стриженная девка косы заплести*, *на Морковкино заговенье*, *на турецкий байрам* и т.д. Составители словаря, как уже сказано, не игнорируют идиоматику — и в этом их несомненная заслуга, ибо большинство этимологических словарей "гренат" полным невниманием к этой важной части словарного состава.

Принцип привлечения идиоматического материала, однако, в словаре оказывается sporadическим. Так, при описании понятия "Прошлое" авторы справедливо подчеркивают, что многие его обозначения характеризуются шутливостью, и приводят такие

идиомы, как нем. *zu Olims Zeiten, als Eva spann*, русск. *при царе Гопохе*, серб.-хорв. *za Kulina bana*, итал. *il tempo che Berta filava* (с. 389—390). Для понятия же "Никогда", где такой идиоматический ряд еще более активен, приводится уже иной языковой "набор" оборотов, носящий явно случайный характер: нем. *am St. Nimmerleinstag*, польск. *jak będzie w maju karnawał*, франц. *quand les poules auront des dents* (с. 300). Еще более бросаются в глаза такие спорадические отсылки в случаях, когда авторы отсылают к близкородственным языкам: например, приводится выражение *перш півні*, *другі півні* и *треті півні* из украинского языка, причем в сопоставлении с русскими диалектными лексемами *невозглас*, *невоглас* и тибет. *mi'san* "ночь" (с. 448), а русск. *первые петухи пропели*, *вторые петухи пропели* и *третьи петухи пропели* не упоминается. Такие случаи могут создать впечатление о диспропорциональности идиоматических параллелей на одну семантическую "тему".

Дискуссионными кажутся и некоторые общие вопросы, поставленные составителями. Таково утверждение, что понятие времени "моложе" понятия пространства (с. 255 и 269). Триада "время — пространство — действие", как кажется, развивалась и в реальной действительности, и в ее осмыслении человеком, и в ее языковом отражении в тесной взаимозависимости, и пытаться установить хронологическую иерархию ее динамики — задача весьма проблематичная. Можно пожелать составителям и более последовательно разграничивать актуальные и широко употребительные лексемы от устаревших, архаичных (ср. чеш. *pos*, *temnota* и *temno*, располагаемые в едином ряду, без такого разграничения — с. 446). Для некоторых случаев можно предложить иное "стержневое слово": например, в ряду *aufhören* / *to cease* / *finir* / *перестать* русское слово можно заменить словом *кончить*, тем более, что в соответствующей статье

речь идет именно о глаголах с "конечной" семантикой (с. 333—349). Выбор таких слов-доминант вообще следовало бы где-либо объяснить, ибо от оперативности их нахождения зависит диапазон возможностей использования самого словаря.

При всей пунктуальности передачи столь обильного языкового материала (словарь набран на компьютере, тщательно выверен и отредактирован) придирчивый читатель может обнаружить и отдельные опечатки: чеш. *tiscero* вм. *tiscero* (с. 242), русск. *воскесенье* вм. *воскресенье* (с. 251), *jazyka ceskéko a slovenskéko* вм. *ceskéko a slovenskéko* (с. 254) и др.

Не такие спорные моменты и тем более не такие мелочи, однако, релевантны для рецензируемого словаря. Перед читателем монументальный этимологический труд, подытоживающий исследовательскую работу нескольких поколений индоевропеистов. Труд оригинальный, выросший на базе продуманной теоретической концепции и обобщения огромного фактического материала. Многие этимологи, лексикологи и лексикографы с нетерпением ждут следующих выпусков этого словаря и желают довести его выход до последней буквы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Buck C.D. A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages. Chicago; London, 1949
2. Delamarre X. Le vocabulaire indo-européen: lexique étymologique thématique P., 1984.
3. Маковский М.М. Удивительный мир слов и значений. Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике М., 1989
4. Аникин А.Е. // Этимология. 1982. М., 1984. Рец. на кн.: Wörterbuch der vergleichenden Bezeichnungslehre. Onomasiologie / Begründet von Schröpfer J.

Мокшенок В.М.

Технический редактор Т.И. Васильева

Сдано в набор 29.10.92	Подписано к печати 11.12.92 г.	Формат бумаги 70×100 ^{1/8}
Офсетная печать	Усл. печ. л. 15,0	Усл. кр.-отт. 37,0 тыс.
Тираж 2 796 экз.	Зак. 3600	Уч.-изд. л. 15,5
		Бум. л. 5,0
		Цена 10р. 80к.

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка, телефон 201-74-42

2-я типография издательства "Наука", 121090 Москва, Г-99, Шубинский пер., 6